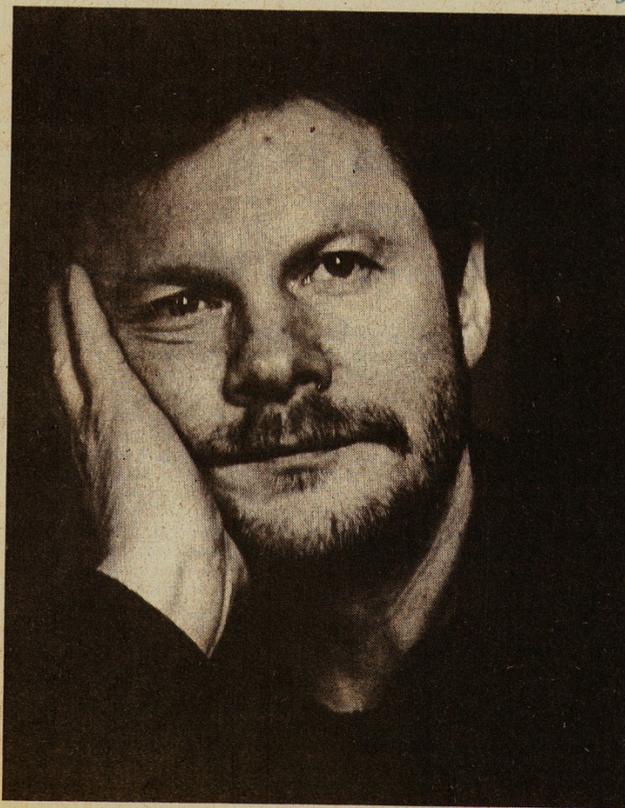

Чашка кофе у камина

Виталий СОЛОМИН:

«Я НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЮ В ПРОФЕССИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ»

Этот текст — Минск — 1992 — 25 стр.

Странное чувство — будто идешь на встречу с литературным (ну и киношным, конечно) персонажем. И ведь порывшись в памяти — своей и знакомых, — знаешь уже, что за спиной у Виталия Соломина — не один десяток прекрасно сыгранных ролей, множество фильмов и спектаклей. На экране — от почти забытых «Женщин» до поразившей воображение незамужней части населения «Зимней вишни». На сцене, в Малом театре, — от «Любови Яровой» до «Горя от ума». Да и сюда, в Минск, он приехал с весьма любопытной ролью Додика-музыканта в спектакле Е.Образцовой по пьесе А.Костинского «Клетка». И все-таки, все-таки... Чем ближе момент встречи, тем сильнее опасения: как бы это вместо солидного «Виталий Мефодиевич» не произнести, обращаясь к собеседнику, засевавшее в глубинах моего зрительского сознания фамильярное «Доктор Ватсон». И вопросы, приходящие на ум, все сплошь не о театральной, кинематографической или личной биографии артиста, не о положении в театре, кино и мире, а исключительно о жизни и мнениях персонажа. Впрочем, будь что будет...

(Интервью с Виталием Соломиным читайте на 3-й стр.)

Виталий СОЛОМИН:

" Я НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЮ В ПРОФЕССИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ "

(Продолжение начато на 1-й стр.)

— Виталий Мефодиевич, были ли у доктора Ватсона, — такого, каким вы его сыграли, — реальные прототипы?

— Да какие прототипы... Было просто желание отгадать, что написал Конан-Дойль. Там ничего придуманного нет, как-то все само собой получалось. В последней серии ассистенты нам даже сценария не дали, думали, что мы Холмс и Ватсон, наверное.

— А на самом деле, вы не позаимствовали у Ватсона кое-какие черты? Скажем, не пытаетесь ли вы еще до начала репетиций «вычислить», что задумал режиссер?

— Ну, так не бывает — чтобы черты характера персонажа переходили к актеру. Скорее наоборот: актер наделяет персонажа своими чертами. Но желание «вычислить», действительно, всегда есть, без него нет настоящей работы. Отгадываются авторские мысли и желания, отгадывается режиссерский замысел, отгадывается даже зрительская реакция, отгадывается каждый партнер.

— Вы ли это, или только Ватсон, — но трепетная законопослушность и желание достичь торжества закона навсегда связались с вашим образом. И вдруг — вы играете Чацкого, который вечно лезет не в свое дело, вечно нарушает установившийся порядок. Скажите, не раздражал ли вас этот ваш герой?

— Но ведь «Горе от ума» —

не детектив, его тема — не в противостоянии законности и незаконности. Здесь конфликт между отсутствием и присутствием ума. И когда человек с нормальным, здоровым умом натывается на ненормальность, это не значит, что он натывается на законность — наоборот, он сталкивается с клиническими случаями. Так же, как и у нас, при отсутствии всяких демократических законов, мы натываемся на психическую ненормальность поведения всех, начиная с верхов и кончая торговцами, вышедшими на улицы. Один мой знакомый психиатр, наблюдая за работой съезда народных депутатов, определил, что семьдесят процентов участников — его пациенты. Это был еще союзный съезд, но, я думаю, соотношение сохраняется и теперь. Оно и в жизни, наверное, такое же.

— Вы так искренне восхищались умом и талантом своего друга Холмса... Похоже, это умение помогло вам и в театре, когда приходилось искать общий язык со «старой гвардией» труппы Малого?

— Видите ли, умение восторгаться и понимать еще не значит, что ты будешь принят теми, кем восторгаешься. Скорее, они должны были найти в тебе что-то, что сократило бы расстояние. И у меня по-разному складывались отношения с этими людьми. С Еленой Николаевной Гоголевой, с которой довелось встретиться в спектакле «Мамуре», они были довольно близкие и уважительные, но это больше ее заслуга, чем моя. С Игорем Владимировичем Ильинским мы встречались на сцене всего один раз, в «Свадьбе Кречинского», — но у меня даже есть его автограф

с пожеланием быть на сцене еще проще. Жаров, Доронин, Константинов — с этими замечательными артистами возникали какие-то душевные соединения. С другими было по-всякому...

— Ваш доктор Ватсон выступает эдаким неудачливым товарищем-соперником Шерлока Холмса. Жизнь поставила вас в похожие «предлагаемые» обстоятельства: вы в одном театре с братом. Нет ли в ваших домашних взаимоотношениях привкуса соперничества?

— Трудно сказать. Да и не надо, чтоб зрители знали про артистов все — интерес пропадет. Кому хочется, пусть сами разгадывают, а кому не хочется, тем и рассказывать не нужно.

— А изменились ли как-то ваше самоощущение, ваши жизненные обстоятельства после того, как Юрий Соломин стал министром культуры России?

— Ну, поскольку родственная связь все равно существует, то, хочешь не хочешь, на тебя переносится часть ответственности. Я считаю, что взяв сегодня — да и в любое время — на себя руководство, нужно нести ответственность, как в семье ты отвечаешь за всех домочадцев. И чтобы кто не сделал — преступление ли совершил, не научился ли чему-то, заболел — ты должен устоять так, чтобы все было благополучно. И если знаешь, что ты не в силах содержать семью из пяти человек, то просто преступно рожать и рожать, да еще брать кого-то на воспитание. Поэтому, когда берутся руководить, заведомо зная, что ничего

улучшить нельзя — у меня это вызывает глубокое возмущение. Если дело касается чужих людей, легче сказать о них: это просто карьеристы, я их не уважаю. Если же это касается близких — все сложнее: ты не можешь всего высказать, поскольку твои слова воспринимаются как что-то личное, как обида конкурента. Ситуация непростая, что ни говори.

— А сами вы не пробовали «поругать»? К примеру, выдвинуться в народные депутаты? Или хотя бы в масштабах театра — занять какую-нибудь общественную должность?

— Никогда абсолютно. Я и в партию не вступил, сколько меня ни «обрабатывали». И даже голодовать ходил всего раз в жизни, когда решалось, выберут ли в первом избирательном округе Москвы Ельцина. Тогда мы всей семьей собрались и пошли на избирательный участок. А больше — вряд ли когда-нибудь пойду, потому что не верю во все это. Разве что наступит такой момент, что совсем уж бандиты будут рваться к власти.

— Скажите, а вы не пытались, подобно вашему герою, разгадывать реальные преступления? К примеру, не можете ли подсказать, куда девалось золото партии?

— Во-первых, я ничего не понимаю в этой совершенно самостоятельной профессии: нужны специальные знания и особый талант, чтобы быть прокурором, следователем, оперуполномоченным. Но, я думаю, что не надо большого ума и таланта, чтобы ответить на ваш второй вопрос: все мы видим, куда уходят эти средства и как уходят. И слушая

наивные выступления Горбачева: мол, очевидно, все деньги ушли в последние годы, и он, вроде бы, ничего не знал, прекрасно понимаешь, что врет. И про танки знал, и про деньги знал и знает. Может быть, там и есть какие-то тонкости, но в целом всем понятно, куда эти средства пошли: на партию, на развитие этой ложной идеи, которую никто не поддерживал, на разведку — через те же каналы, на организацию фирм, о которых никто не знает и, может быть, никогда не узнает, что они принадлежат не свободному миру, а нашей партии. Опять же, откуда могут быть у обычных людей деньги, чтобы вкладывать миллионы в СП, покупать за сотни тысяч квартиры? Деньги эти и сейчас принадлежат коррумпированной верхушке, которая нами управляет. Говорят, принимается закон о борьбе с коррупцией — но я не представляю, как с ней можно бороться, не рассмотрев со всех сторон каждого бездельно существовавшего в партии. Или он дурак, который ничего не понимал и был увлечен идеей, или подлец, знавший все и продолжавший действовать, или параноик-властолюбец — ни в одном из трех случаев он не может управлять дальше. У меня огромные подозрения ко всем, кто когда-то этим занимался. Ведь если человек воровал, он вряд ли перестанет воровать, за ним нужно наблюдать, как за больным, у которого могут быть рецидивы. Тем более, если он был связан с властью, которая 99 процентов людей уводит в ложный мир самообмана.

— Вам, наверное, приходилось слышать анекдоты о докторе Ватсоне. Как вы к ним относитесь? Не чувствуете, что они — про вас лично?

— Анекдоты возникли после нашего фильма, и это хорошо — значит, фильм нашел отклик в сердцах зрителей. Музыку из картины можно услышать по телевидению — значит, она точная, подходящая для детектива. И даже, я слышал, кусок одной из серий взяли для рекламы — разумеется, не спросив у нас, не оплатив, — но все равно, раз взяли, значит, рассчитывают, что это популярно, это им поможет. Все это — честь для нашей работы.

— А у вас есть любимый анекдот о Ватсоне?

— Нет, я ни одного не знаю, знаю только, что они существуют. В принципе, как зрительская реакция, это важно, но я не такой самовлюбленный человек, чтобы собирать все о себе. У меня даже фотографий своих почти нету.

— Роль доктора Ватсона стала вашей визитной карточкой. Не мечтаете ли вы «сменить маску»? Какие роли хотите еще сыграть?

— Я не мечтаю, а нахожусь в ожидании — того, что нужно делать сейчас. Продолжаю заниматься своей профессией, стараюсь остаться порядочным человеком и не разочаровывать тех людей, которые мне верят. Ведь все мы друг от друга ждем какой-то надежды, силы, может быть, прозорливости, жизнеспособности. Найти, в чем же эта жизнеспособность, сохранить ее в себе, отыскать материал, через который почувствовать отклик — вот что для меня сейчас самое главное.

Беседовала
Марина КУНОВСКАЯ.
Фото Игоря МАКАЛОВИЧА

232

233